

СОДЕРЖИТ

НЕЦЕНЗУРНУЮ

БРАНЬ

18+

Алексей Субботин

Из Темноты

Алексей Субботин

Из темноты

«ЛитРес: Самиздат»

2008

Субботин А.

Из темноты / А. Субботин — «ЛитРес: Самиздат», 2008

"Нельзя дважды вспомнить одно и то же..." - поэтому этот рассказ всего лишь рефлексия становления автора как личности. Слом эпохи оставил неизгладимый след в судьбах людей, родившихся в семидесятые годы XX века. Крушение кумиров, да и всего окружающего мира вместе с ними, заставили каждого из нас пройти свой путь из темноты. Содержит нецензурную брань.

Наверное, здесь следует чуть-чуть прерваться, чтобы внести ясность и, пожалуй, представиться. Как вы уже догадались, зовут меня Алексей, фамилия моя обычная и вряд ли ее упоминание добавит что-нибудь в наше повествование. Родился я в далеком 1975 году, в небольшом городке со странным названием – Няндоме. Вскоре наша семья переехала в Архангельск, где мои родители продолжали работать на железной дороге: папа инженером, а мама специалистом в отделе экономики. Жили мы в маленькой двухкомнатной квартирке, в типичной пятиэтажке на краю города. Лета я проводил в родной Няндоме, гостя у бабушки с дедушкой, и как все советские семьи, иногда мы ездили на юг, в Сочи.

Память моя о том периоде моей жизни весьма отрывчата, наверное, в силу натуральных причин, а может быть и потому, что гораздо более яркие воспоминания юности просто вытеснили из головы картинку периода детства. Я помню, что ребеночком я рос спокойным, рано научился читать и играть в карты. Мне с детства нравилась ловить рыбу – и дедушка и отец часто брали меня с собой на рыбалку. Как и все соседские ребята я катался на велике, гонял во дворе мяч, пропадал на рыбалках и в лесу, собирая грибы и ягоды, а зимой мы катались на санках и коньках, играли в снежки, а став постарше – в хоккей.

Я с детства любил книги. Рано научившись читать, я читал запоем, проглатывая страницу за страницей почти все что попадалось мне под руки. Станным образом, тогда книги были и дефицитом, и фетишем одновременно – их невозможно было купить, но у всех они были. Кроме нас. Отец почему-то скептически относился к идее владения беллетристикой. Наш книжный шкаф был заставлен «полезной» литературой, фолианты типа «Справочник молодого намотчика трансформаторов» или «Классификатор транзисторов на основе кремниевых соединений» нестройными рядами заполняли его полки. К счастью, городская библиотека и домашние собрания родителей моих друзей и знакомых моих родителей, позволяли мне иметь возможность читать постоянно, перемешивая детскую литературу с приключенческими романами, историческими книгами и классическими произведениями.

Семья у нас была дружная. Когда мне было пять лет у меня появился младший брат, а вскоре мы переехали в новую квартиру поближе к центру города. В нашем микрорайоне все было новым или даже еще только строилось. Новая школа, в которую я пошел, была самой новой и самой большой в городе, со всеми вытекающими отсюда последствиями. Учеба давалась мне легко – помогало умение быстро читать и хорошая память. С одноклассниками отношения у меня складывались нормальные – друзья были, а конфликтов особых не было. Правда, к несчастью, мое увлечение чтением привело к тому, что я стал плохо видеть, и поэтому с третьего класса мне пришлось носить очки.

Между делом, отец обучал меня навыкам, полезным для жизни, ненавязчиво, но постоянно, шлифуя свои собственные знания и передавая по наследству мудрость поколений поморских крестьян. Я чувствовал себя в лесу как дома, никогда не терялся, двигался почти бесшумно, умел даже зимой разжечь костер с одной спички, знал снасти, повадки рыб и зверей, разбирался в грибах и ягодах, умел держать в руках и нож и топор. Вдоволь пришлось и покопаться в земле на огородах. Позже отец обучил меня столярному делу, и мы сами мастерили нехитрую мебель для кухни, я знал и слесарное дело немного. Когда я стал постарше он научил меня основам радиотехники, я мог читать и паять довольно сложные схемы – свой первый компьютер («РК-87») я спаял, когда мне было двенадцать лет. Он правда так никогда и не заработал, но я до сих пор думаю, что, детали мне попались бракованные!

В октябре 1987 года я побывал в пионерском лагере «Артек». Уж не знаю за какие заслуги меня выбрали, наверное, просто на школу пришла разрядка отправить мальчика 12 лет. Учился я на пятерки, косяков вроде тогда за мной не числилось, наверное, поэтому и выбрали. До этого в пионерлагере я был только один раз и не могу сказать, что мне там понравилось. Но «Артек» это совсем другое дело, думал я, садясь в поезд. Эта поездка если не перевернула мое представления о мире, то по крайней мере заставила о многом задуматься. Уже тогда стали

проявляться первые признаки упадка – и не только в виде трещин на монументе дружбы народов, но и в неловком отходе от пропаганды коммунистических догм – того, ради чего этот лагерь, да и все пионерское движение были созданы. Вернувшись, я был назначен председателем совета дружины в нашей школе, и мог в течение года наблюдать процесс разложения пионерской организации, да и всей советской системы в целом.

Вместе с пропагандой терялось и многое хорошее – кружки и секции, возможность ходить в бассейн, турнир кожаный мяч, например. Как-то сразу все вокруг рушилось и ветшало. Может мы просто росли, становились больше, а все вокруг нас мельчало? Жизнь в Архангельске и раньше была не сахар, а тут наступил вообще полный пиздец – я помню, что в 1989 в Няндоме ввели талоны на хлеб. Не было ничего. Народ кормился с лесов, суша грибы и рыбу, заготавливая на зиму картошку и прочую снедь. Когда мне было пятнадцать лет, деньги были не нужны – их просто невозможно было потратить, только на видеосалоны да на отстойные пирожки, которые изредка продавали в столовках.

Все начали воровать – почему-то тот, кто мог хоть что-то украсть, вдруг становился предметом общей зависти. Люди озлобились. Все плевали на милицию и любое проявление власти. Все подъезды обоссали, стекла выбили, выкручивали лампочки в подъездах и гвозди из скамеек в парке. Блядской дачное движение привело к тому, что лучшие ресурсы страны – доктора, инженеры, врачи как рабы копались в говняных торфяниках, пытаясь вырастить мешок картошки, в то время как совхозные поля зарастали сорняками. Не миновало это и нас, правда, в меньшей степени, чем многих моих друзей.

Впервые я устроился работать, когда мне было четырнадцать. Няндомский пищекомбинат нанял нас на прополку свеклы в подшефном совхозе. После двух недель адского труда я гордо держал в кармане 20 рублей, которые потратил на наручные часы. Я работал (или лучше сказать подрабатывал) каждое лето, трудясь в основном на стройках и прочих не требующих большой квалификации работах. В 1990 я провел все лето под Питером, выращивая огурцы и клубнику в совхозе, где моя тетя работала бухгалтером.

Девальвация, инфляция, потеря вкладов, дефицит, очереди... Спасибо моим родителям, не знаю, каким образом в те годы мама доставала продукты, но у нас всегда было достаточно еды в доме. Отдельное спасибо отцу, что он не сломался в те трудные годы, не запил как многие его сверстники, не опустил, воспитал нас с братом нормальными людьми, с не искорёженной моралью, четко объясняя, границы добра и зла и относительность всего нас окружавшего. Его простые, но верные советы, часто помогали мне и в будущем, когда сиюминутность происходящего порой не позволяла увидеть и понять причины событий, и просто приходилось действовать наугад.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.